

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Похищение
века*

МАКСИМУМ
АКТИВНОСТИ
НА ТИЛЬДЭ
И НА СТРАНИЦАХ
И

Марина С. Серова
Похищение века
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст представлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134897*

*Похищение века : Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-16208-9*

Аннотация

У знаменитого испанского тенора, приехавшего на оперный фестиваль, похищен роскошный плащ, расшитый золотом и бриллиантами. А спектакль, в котором он должен выступить, состоится через три дня. Лучший частный детектив города Татьяна Иванова подозревает костюмера Хосе, исчезнувшего одновременно с драгоценным реквизитом. Правда, на прощание тот оставил странную записку. Поехав по адресу, указанному в послании, Таня находит там пять трупов и засаду ФСБ. Оказывается плащ, помимо золота и бриллиантов, был буквально напичкан наркотиками...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Марина Серова

Похищение века

ГЛАВА 1

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Глядя на результаты своего гадания по цифровым костям, сама я выглядела, наверное, обескураженно. Еще бы! Человек только что закончил одно трудное дельце, принесшее, правда, неплохие дивиденды, честно заслужил небольшой отдых и собрался воспользоваться заслуженным. А тут...

28+11+20. Если перевести с магического языка цифр на обычный язык, понятный большинству нормальных людей, то сие означает: благими намерениями вымощена дорога в ад. Другими словами, накрылся, Таня, твой отдых пыльным веником! А сама ты пролетела, как лист фанеры над Парижем!

Я могла бы, конечно, и дальше отпускать колкости по своему адресу, да только занятие это малоутешительное. А я сейчас, честно сказать, нуждалась в утешении. Потому что человек, о котором идет речь, то бишь я сама, имеет крайне вредную профессию, при которой своевременный отдых является одним из основных, если хотите, требований «техники безопасности».

Я – глава частного детективного бюро, в котором по совместительству работаю также заместителем директора, старшим детективом, просто детективом, делопроизводителем, охранником, шофером, уборщицей... ну, и так далее. Не знаю, кто там еще положен по штату в нормальном сыском агентстве, но в моем все должности соединяются в единственном лице – моем собственном. И называется это «лицо» лицензированным частным детективом Татьяной Ивановой.

К чему я об этом? Да к тому, что даже компьютерной сети положен технический перерыв, а мне при таком раскладе приходится трудиться с не меньшим напрягом, чем компьютеру большой мощности! Я уже не говорю о том, что никакой компьютер не работает руками и ногами, не подвергает себя опасностям и стрессам, а мне – сплошь да рядом...

Вот взять, к примеру, то самое дельце, из которого я только что благополучно выбралась... А впрочем, не будем ничего брать. И не надо примеров! Потому что все равно этот разговор, как я понимаю, – в пользу бедных. Против судьбы не попрешь, мое гадание – точная материя, что твоя математика. И оставаться мне опять без отдыха! Э-хе-хе...

Ну ладно, хотя бы телевизор-то посмотреть я могу? И так в расстройстве опоздала на пять минут к началу местных новостей! Хотя знаю я, какая у них там сегодня главная новость, с утра все уши прожужжали... Ну, так и есть!

– ...У трапа самолета дорогого гостя встречали вице-гу-

бернатор области, министр культуры, мэр города Тарасова, другие официальные лица, представители общественных организаций и, конечно, многочисленные поклонники таланта Мигеля Мартинеса...

«Как же! – мысленно вставила я. – Допустите вы в свою теплую компанию „многочисленных поклонников“...»

– ...прямо на взлетной полосе ему преподнесли хлеб-соль и множество цветов. Знаменитый испанский тенор на великолепном русском языке тепло поблагодарил встречающих и выразил надежду, что в его лице тарасовцы приветствуют великую, непреходящую ценность человечества, имя которой – оперная музыка.

«Боже мой! – снова влезла я. – Неужели прямо так и сказал, да еще „на великолепном русском языке“? Такой „перл“ мог сочинить только представитель отечественной пишущеговорящей братии, но уж никак не музыкальной!» Впрочем, кто бы это ни сочинил по поводу «великой, непреходящей ценности человечества», я оставалась в опере (равно как и в балете) полным профаном. Правда, это не мешало мне иногда – и даже не без удовольствия – посещать наш Тарасовский академический театр оперы и балета.

В эти дни у меня, как и у многих других, был особый повод его посетить: вчера в нашем городе открылся ежегодный весенний фестиваль оперного искусства имени Л.В. Собинова. Беда была в том, что в отличие от «многих других», то есть нормальных людей с нормальными профессиями,

ями, я об этом узнала только сегодня. Потому что только сегодня почувствовала себя окончательно свободной от моего предыдущего дела, о котором все порывалась рассказать. Нет, разумеется, обрывки информации достигали моих ушей и раньше, но отскакивали от тяжело груженной заботами детективной головы, словно молекулы кислоты от зубов, защищенных «Диролом без сахара».

Зато за один сегодняшней день я восполнила информационный пробел, и даже с лихвой. Я узнала о том, что нынешний Собиновский фестиваль – юбилейный, десятый по счету и впервые имеет статус международного. И о том, что основан этот статус в первую очередь на сенсационном согласии всемирно известного испанца Мигеля Мартинеса почтить фестиваль своим присутствием. И о том, что он будет петь в опере «Аида» партию какого-то там Радамеса – свою любимую (сюжет «Аиды» я знала весьма приблизительно, но, наверное, это главный герой: ведь тенора – всегда главные герои).

В нескольких газетах я прочитала о том, что Мартинес предстанет на сцене перед тарасовской публикой в своем знаменитом не менее, чем он сам, плаще древнеегипетского военачальника (вот, стало быть, кто он такой, этот Радамес!). Этот плащ, расшитый золотом и драгоценными камнями, – точную копию с подлинника, хранящегося в музее не то в Александрии, не то в Каире (забыла!), – оперной звезде преподнесли благодарные поклонники три года назад к юбилею

– сорокалетию. И с тех пор дон Мигель не расстается с этой вещью, которая стоит не намного меньше бесценного оригинала.

И уж конечно, все газеты и местные телепрограммы взахлеб пересказывали романтическую историю «русского испанца», сына одного из тех самых детей, вывезенных в СССР из франкистской Испании и нашедших у нас гостеприимный кров и новую дружную семью. Родился Мигель, которого русская мама называла Мишей, на одной из ударных комсомольских строек, юность провел на Волге, в Тарасове, блестяще закончил Московскую консерваторию по классу вокала и свою историческую родину впервые увидел почти в двадцать пять лет...

Все это, прочитанное и слышанное в последние дни, я быстро извлекла из глубин памяти. А цветной экран между тем демонстрировал крупным планом симпатичную смуглую физиономию, которой очень шла фотогеничная белозубая улыбка. Хм, да его вполне можно выпускать на сцену без грима... Тут как раз камера услужливо отъехала, предоставляя мне возможность оценить также и общий план, и я осталась довольна увиденным! В окружении первых и «других» официальных лиц губернии «дорогой гость» оказался самым высоким (а ведь, скажем, нашего мэра тоже не назовешь коротышкой!). Насколько позволяло судить его длинное стильное пальто нараспашку, в плечах дон Мигель был достаточно широк, а книзу сужался – и, кажется, как раз в таких

пропорциях, чтобы соответствовать международным стандартам. Опять-таки выгодно отличаясь от выездной бригады встречающих – гладких и лоснящихся, как сардельки, плотно упакованных в одинаковые серые драповые «мундиры» и шляпы. Лишь один министр культуры, несмотря на промозглый апрельский ветер, тоже стоял с обнаженной головой – наверное, из солидарности, как второй поборник «великой и непреходящей ценности человечества». Впрочем, голова Мартинеса в шапке густых, падающих на лоб волос масти «перец с солью» была гораздо привлекательнее лысой министерской. Жгучие брюнетки-южане вообще седеют рано, но часто это им даже идет.

В общем, если газеты и преувеличили насчет «прекрасной формы» приезжей знаменитости, то совсем немного. Хотя, строго говоря, сорок три – еще не возраст для мужика.

Вот он, не переставая улыбаться, пожимает протянутые ему руки, раскланивается направо и налево, что-то говорит, принимает букеты (их и правда очень много) и передает их какому-то бесцветному субъекту, который маячит у него за спиной. Вот ему преподносят хлеб-соль... восхищение не наигранное: черные брови – вверх, черные глаза – нараспашку... Ну конечно: расцеловать девочек обязательно, а то они обидятся! И с хлебом-солью обходится, как с русскими красавицами, со знанием дела, уважительно.

Нет, что ни говори, а манеры у него приятные, хотя, конечно, до мозга костей актерские. Но пока никакого налета

«звездности» мной не замечено. И это, как говаривал герой отечественного мультика, «радует». Черт возьми, хочу на «Аиду»!

Ну наконец-то дали слово человеку.

– Господин Мартинес, что вы чувствуете, ступив на тарасовскую землю после стольких лет разлуки? – голос корреспондентки за кадром.

– Счастье! – именно это чувство читалось в его глазах, которые снова сверкали на экране – очень живые и располагающие. – Больше добавить нечего. Только сейчас понял, как я соскучился по Тарасову! Весь мир объездил, а здесь – впервые, с тех самых пор... Будто домой вернулся. Правда! И можете, если хотите, называть меня Михаилом Викторовичем. С этим именем я прожил большую часть своей жизни и люблю его не меньше, чем свое испанское имя.

Не знаю, может, на сцене он и великий тенор, а в жизни говорит самым настоящим баритоном – и действительно без малейшего акцента. Должна признать, звучит этот баритон тоже неплохо.

– А кем вы себя сейчас больше ощущаете – испанцем или русским?

– Сейчас, конечно, больше – русским. Правда, очень похожим на испанца! – Дон Мигель, или Михаил Викторович, мелодично рассмеялся.

Как ни странно, пока он не сделал еще ничего такого, что было бы мне неприятно. Не хочу сказать, что это что-то зна-

чит, но... Все же я очень хочу в театр! И угораздило же меня провозиться с тем дельцем до самого фестиваля и не подсу-етиться вовремя насчет билетов! Если б только я раньше ви-дела «портрет лица» этого оперного героя-любовника... Но как назло, крупных планов до сих пор наблюдать не прихо-дилось.

Да и теперь он исчез с моих глаз непростительно (для те-левизионщиков) быстро. Его сменила студийная дикторша, сообщившая, что прямо из аэропорта Мигель Мартинес от-правился в театр, чтобы быть вместе с участниками десятого Собиновского фестиваля и записать интервью, «которое мы планируем показать в нашей программе чуть позже».

Я рассеянно прослушала выпуск до конца и, уменьшив громкость, стала ждать нового телевизионного свидания с дорогим гостем Тарасова. Делать все равно было больше нечего. Судьба уже дала понять, что отдых мне пока не све-тит, но еще не намекнула, какая тому будет причина. Ждать пришлось всего час двадцать. Стрелки близились к девяти, когда та же дикторша радостно возвестила, что они начина-ют репортаж из академического театра оперы и балета, где продолжается Международный фестиваль оперного искус-ства имени Л.В. Собинова и куда сегодня прямо с самолета направился прибывший в город знаменитый испанский те-нор Мигель Мартинес.

– Ну уж дудки! – опять прокомментировала я, на этот раз даже вслух. – Так я и поверила, чтобы такой красавчик пред-

стал перед публикой «прямо с самолета»! Наверняка заскочил в гостиницу – освежиться и надеть роскошный фрак...

Улыбчивый белозубый образ Михаила Викторовича, снова возникший на экране, полностью подтвердил мою версию. Если в выпуске новостей он показался мне просто приятным, то сейчас – ослепительным. Словно с обложки журнала – после самолетов, особенно наших, так не выглядят. Правда, вместо фрака на нем были черная «тройка», белоснежная сорочка и черная же «бабочка», но определение «роскошный» к этому классическому театральному наряду подходило без вопросов.

Его водили по театру (в свите я опять узнала нескольких чиновников из разряда «других официальных лиц» и нескольких маститых солистов нашей оперы), что-то показывали, рассказывали, с кем-то знакомили. Мигель то жал руки, то целовал – в зависимости от пола собеседника, удивлялся и восхищался, демонстрируя богатые возможности мимики и жеста. Потом в каком-то уютном уголке наша художественная телевизионная дива – неизменная ведущая всех театральных передач – задала ему несколько вопросов. На мой взгляд – таких же плоских и шаблонных, как она сама, но я готова признать, что в тележурналистике смыслю не больше, чем в опере. Впрочем, живости, обаяния и остроумия ее «визави» вполне хватило на обоих, так что интервью получилось вполне приличное.

Наконец, когда на заключительных словах дикторши по-

шли сцены из «Пиковой дамы», я поняла, что больше «кина не будет», и нажала кнопку пульта.

Я задумалась. Почему-то главная новость сегодняшнего дня пробудила во мне – вопреки недавнему нытью об отдыхе – жажду деятельности. Только вот я пока не могла понять – какой именно. Определенным было только то, что это как-то связано с Мигелем Мартинесом.

Для начала стоит, пожалуй, разобраться в своем отношении к заезжей знаменитости. Сдается мне, что он меня интересует совсем не как оперный герой... Гей вы, кости мои! Гадальные, конечно, гадальные...

Ну конечно! Комбинация 13+6+25 тут же подтвердила, что меня «посетит минутное увлечение».

Что ж, теперь, раз судьба не против, могу признаться: оно меня уже посетило! Ну, а насчет «минутности»... так другим оно просто и быть не может: Мигель сказал, что уезжает на следующий день после «Аиды», а это значит – всего три дня и четыре ночи. Впрочем, предстоящую ночь можно уже не считать: не побегу же я прямо сейчас к театру – дежурить в толпе оперных фанаток, чтобы, если повезет, прикоснуться к своему кумиру, когда он будет выходить после спектакля...

«А что – мысль интересная! – опять кольнула я себя. – „Пиковая дама“ – длинная опера, может, еще успеешь...»

И вообще, кто тебе сказал, Таня дорогая, что ты должна непременно видеть его «живьем» и себя ему продемонстрировать? Телевизор на что придумали? Сиди себе, нажимай

кнопки и увлекайся на здоровье: хоть этим самым Мигелем Мартинесом, хоть Диего Марадоной, хоть Борей Моисеевым – дело вкуса!

Ладно, но кому же все-таки позвонить насчет «Аиды»? Ба! Конечно, Стасику, у того «все схвачено, за все заплачено», и вполне возможно, как раз кто-нибудь из нужных нам театральных людей ему кое-чем обязан... Даже наверняка, ведь Стасик у нас шоу-продюсер!

Я решительно протянула руку к телефону. И тут же отдернула ее от неожиданности, потому что телефон не менее решительно зазвонил. Кто бы это мог быть?

– Добрый вечер. Простите, я говорю с... частным детективом Ивановой?

У потенциальных клиентов первая телефонная фраза почти всегда звучит одинаково. Различия минимальны: скажем, «добрый вечер» или «здрасьте», а бывает и «привет», «простите» – или прочерк вместо этой формулы вежливости. Данный потенциальный клиент был, несомненно, интеллигентным и вежливым человеком, а еще – усталым и чем-то весьма обеспокоенным. Не слишком молодым, но, пожалуй, и не старым. Более определенно я могла сказать только то, что это, увы, не Мигель Мартинес!

И еще: то, как он запнулся на моей профессии, свидетельствовало о полном отсутствии опыта общения с частными сыщиками. Таким смущенно-обреченным тоном чиновник средней руки мог обратиться к венерологу с просьбой выле-

чить его от дурной болезни.

Тем не менее я вынуждена была подтвердить, что он не ошибся телефоном.

– Вас беспокоит Федор Ильич Харченко, директор театра оперы и балета...

Нет, и после этого жалкие дилетанты будут меня уверять, что мы – сами хозяева своей судьбы?!

Я чуть было не крикнула: «Федор Ильич, миленький, вас мне сам Бог послал, дайте, пожалуйста, контрамарочку на „Аиду“!» Но вовремя сдержалась: из вежливости надо все же сперва узнать, что у них там стряслось. Уж наверное, он не затем звонит мне в десять вечера, чтобы «благословить» мое новое увлечение!

– Внимательно слушаю вас, Федор Ильич. Что вас заставило...

– Беда, Танечка! Виноват... вы разрешите вас так называть? Я знаю, вы совсем еще молоды...

Я вставила: это, мол, тот недостаток, который очень быстро проходит. Он подумал почему-то, что я обиделась, и испугался:

– Нет, вы меня не так поняли! Я вовсе не хотел поставить под сомнение вашу компетентность, наоборот! Мне рекомендовали вас как очень хорошего... специалиста. Один мой знакомый, человек, достойный всяческого доверия... – Федор Ильич назвал фамилию моего недавнего клиента, о котором у меня тоже остались достойные воспоминания. –

Ну вот. Иначе я никогда не рискнул бы обратиться со столь серьезным делом в... м-м... частную фирму. Я, видите ли, руководитель старой формации, мне привычнее иметь дело с нашей родной милицией, но... Сейчас именно тот случай, когда лучше обойтись без нее. И наш высокий гость, господин Мартинес, со мной полностью согласен.

«Предчувствия ее не обманули». «Русский испанец» все-таки имеет отношение к этому звонку! А значит, теперь и ко мне... Я осторожно попросила собеседника продолжать.

– Спасибо, я постараюсь без долгих предисловий. Ведь вы, Танечка, наверняка знаете наши, так сказать, исходные данные. Ну, о том, что идет фестиваль и что у нас в гостях знаменитый Мигель Мартинес... Кстати, он сейчас здесь, в моем кабинете.

Я подтвердила, что все это мне известно.

– И... о плаще Радамеса вы тоже знаете, не правда ли?

– И о плаще.

– Вот в нем-то и дело, – упавшим голосом констатировал директор и, понизив его до трагического шепота, сообщил: – Он пропал!

– Плащ Радамеса?! – Я не верила своим ушам.

– Увы! Похищен из номера «Астории» около двух часов назад. Таня, я умоляю вас взяться за это дело!

– Но... Боже мой, такая ценная вещь! Нет, Федор Ильич, эта работенка как раз таки для милиции. Тут нужно задействовать большие силы, современные технические сред-

ства... Нет, я просто не могу! Мой искренний совет вам и господину Мартинесу: немедленно сделайте заявление по всей форме. Вы и так уже потеряли кучу времени...

– Танечка, я умоляю! Мы вас умоляем! Господин Мартинес ко мне присоединяется, правда, Мигель? – Я не расслышала никакого подтверждения, очевидно, Мигель присоединился к мольбам безмолвно. – Я не могу допустить, чтобы это прискорбное событие получило общественный резонанс! Вы представляете, какой шум поднимут газеты? Да это будет такой удар по репутации нашего фестиваля, после которого мы уже не поднимемся на ноги. И больше к нам не приедет ни один уважающий себя артист! Нет, это совершенно невозможно, мне просто страшно подумать о последствиях... Танечка, это должны сделать только вы! Как говорится, без шума и пыли. Только вы одна это сумеете. Я вас умоляю! Ради всего святого, ради нашего с вами города, который наконец-то обрел такой замечательный оперный праздник...

Директор готов был разрыдаться в трубку.

Я, разумеется, уже знала, что соглашусь: судьба делала слишком прозрачные намеки, что мне следует взяться за это дело. Но нельзя же так сразу сдаться! Тем более что там у него в кабинете этот... «дорогой гость». Уж его-то, голубчика, я заставлю лично умолять меня «на прекрасном русском языке»!

– Не знаю, Федор Ильич... Я понимаю, ваши опасения имеют основания, но... Право, не знаю! Вы в курсе, что я за

свои услуги беру немало?

– Да, разумеется, но какое это имеет сейчас значение? То есть, конечно, театр – банк, мы считаем каждую копейку, но доброе имя, знаете ли, дороже! Мы заплатим сколько надо, не сомневайтесь, только найдите плащ, Танечка! У нас еще три дня и три ночи... Если надо, я руку дам на отсечение, но восемнадцатого апреля Мигель должен петь Радамеса в своем плаще. Со своей стороны он тоже готов предложить вам гонорар, очень приличный. Помимо той суммы, что заплатит вам театр, естественно... Я вас умоляю!

– Не умоляйте, Федор Ильич, я уже прониклась вашей болью. И ваша отсеченная рука делу не поможет, так что лучше используйте ее по назначению. А мы пойдем другим путем. Кто еще знает об исчезновении плаща, кроме вас и господина Мартинеса?

– Одну секунду... – Я услышала, как директор повторил мой вопрос в глубь кабинета, но не разобрала, что ему ответили. – Кроме нас, в курсе только Хосе, костюмер и гример Мигеля... то есть господина Мартинеса. Ведь это он находился в гостинице, когда... все это случилось. Мигель был в театре.

– А кому известно, что вы привлекли к расследованию меня?

После нового уточнения я узнала, что об этом пока неизвестно даже Хосе.

– Вот и отлично, пусть никто ничего не знает. Пока. Ду-

маю, поскольку вы теперь мои клиенты, нам необходимо продолжить наше трехстороннее совещание без посредства телефона. Причем немедленно: три дня и три ночи – это не так уж много, Федор Ильич. Сочувствую вам и господину Мартинесу, у вас был трудный день, но через полчаса я буду у вас в кабинете.

– Конечно, конечно! Ждем вас. Я так рад, Таня, так благодарен! Спасибо...

По-моему, он был весьма возбужден и не скоро заметил, что я уже положила трубку.

ГЛАВА 2

Театральная вахтерша, сухонькая интеллигентная старушка, была предупреждена о том, что к директору придёт дама, и не стала чинить мне препятствий:

– Пожалуйста, пожалуйста, вас ждут! Сюда, направо – вон, видите открытую дверь?

В длинном коридоре, простирающемся в два конца от служебного входа, было пусто. Но «в кулуарах» театра чувствовалась жизнь, хотя спектакль закончился больше часа назад.

Открытая дверь оказалась, как и следовало ожидать, всего лишь дверью «предбанника» – узкой и тесной приемной, в которой помещались только стол секретарши, допотопный книжный шкаф, стулья для посетителей и развесистые растения в горшках и кадках. Последние занимали изрядную часть площади и объема комнатки. В «предбанник» выходили две одинаковые двери, расположенные точнехонько друг напротив друга. Поскольку ни одной живой души здесь не было (если не считать флоры), мне пришлось самостоятельно определить, какая из двух принадлежит высшему административному руководству. В таких делах нюх у меня есть, и я без стука приоткрыла левую дверь. Как я и предполагала, за ней оказалась вторая – звуконепроницаемая, обитая коричневым дерматином и тоже плотно прикрытая. Я толкнула ее, одновременно легонько стукнув в деревянный

косяк:

– Разрешите?

Двое мужчин, сидевших в креслах по обе стороны директорского стола, почти одновременно вскочили мне навстречу. И я с удовлетворением отметила, как мрачная физиономия испанца быстро возвращается в свое нормальное состояние: то есть обретает улыбку и живой интерес, то, что сегодня весь вечер демонстрировал мне телеэкран. Только в настоящую минуту причиной положительных эмоций дона Мигеля Мартинеса явилась не встреча с юностью, а встреча с частным детективом Таней Ивановой. Это было совершенно очевидно.

Директор выглядел минимум лет на десяток постарше своего собеседника. Он был невысок, слегка полноват, седоват и лысоват; а впрочем, черты его круглого лица были правильными и даже приятными. Словом, Федор Ильич полностью соответствовал голосу, который я слышала по телефону, и моим представлениям о театральных директорах.

Прежде чем он успел открыть рот, герой сегодняшних информационных новостей уже стоял рядом со мной:

– Позвольте за вами поухаживать!

Мои ноздри уловили аромат коньяка и чего-то пряно-парфюмерного – по-моему, из «опиумной» серии.

В течение нескольких последующих секунд (а может, и минут – мне как-то не пришло в голову наблюдать время) он галантно освободил меня от пальто; изящно склонив голову,

обеими руками поднес мою лапку к своим губам; проигнорировав этикет и робкие попытки хозяина кабинета, лично представился мне, сказав, что его имя Мигель или Михаил – как мне больше нравится. И добавил: он просто сражен тем фактом, что известный в Тарасове частный детектив является одновременно «потрясающей» девушкой, в присутствии которой говорить о делах – просто преступление.

По правде говоря, я приняла меры, чтобы выглядеть и в самом деле потрясающе, так что комплимент не был просто комплиментом.

Мне пришлось в тон ему ответить тем же: я, мол, тоже удивлена, что всемирно известная звезда оперы оказалась таким галантным кабальеро. При слове «звезда» он поморщился:

– Таня, пожалуйста, не портите впечатление от нашей встречи, оно уже и без того подпорчено – этой дурацкой кражей! Я так не люблю «звездизма», всяких дифирамбов, журналистской трескотни... Хотя понимаю, что без этого не обойтись – издержки профессии! Поверьте, в жизни я совсем простой парень, и, если бы не грустный повод нашего знакомства, я бы сейчас пригласил вас погулять по ночным улицам этого чудесного города. Если вы, конечно, не были бы против...

Черт возьми, еще бы я была против! Но вслух этого говорить не стала, пожалуй, прозвучало бы слишком откровенно. И без того я чувствовала, что общество Мигеля-Михаи-

ла становится мне все приятней и приятней. Но вот ему-то об этом знать вовсе не обязательно! По крайней мере, так сразу...

Чтобы смотреть ему в глаза – смеющиеся, с блестящими «чертиками», – мне приходилось задирать нос кверху (а ведь я была в сапогах на высоченном каблуке!). Но даже это не было неприятно. Я не ощущала никакого напряжения, мне казалось, что мы знакомы всю жизнь и лишь по какой-то странной прихоти продолжаем обращаться друг к другу на «вы». И, когда Федору Ильичу удалось наконец вставить словцо, мы оба сильно удивились, что в комнате есть еще кто-то, кроме нас.

– Друзья мои, я рад, что вы нашли общий язык. Но время идет... уже достаточно поздно. Может быть, обсудим наше дело?

– Конечно, Федор, простите меня.

Тень снова легла на лицо Мигеля, но это не помешало ему опять, сверкнув глазами, приложить к губам мою ручку. Затем он пододвинул мне кресло и, обогнув маленький столик, образующий вместе с директорским букву «Т», вернулся на свое место.

Только сейчас я заметила источник коньячных паров: на столике стояла початая бутылка армянского пятизвездочного и открытая коробка московских «ассорти».

– Как вы относитесь к коньяку, Танечка? Это мы тут с горя себе позволили... раз уж с радости не получилось, – извиня-

ующимся тоном добавил хозяин кабинета. – У нас ведь сейчас по программе банкет, Таня. Но какое уж тут веселье... Нам с Мигелем едва удалось улизнуть: он сослался на усталость, а я – на свою язву. Слава Богу, что наш маэстро сегодня тоже исчез пораньше – разнервничался на спектакле, а то бы мы от него не скрылись.

К коньяку я отношусь положительно, тем паче – если мне предстоит минутное увлечение. Так что Федору Ильичу пришлось сходить в подсобку за третьей рюмкой.

– Знаете, Танечка, что для меня самое скверное в заграничной жизни? – спросил испанец, разливая по рюмкам густую янтарную жидкость. – Чертовски трудно достать настоящий армянский коньяк и настоящий российский шоколад. А я, как назло, не могу изменить этим двум привязанностям своей юности!

Мы выпили за успех операции под кодовым названием «Плащ Радамеса», и Михаил Викторович, опять посерьезнев, изложил мне все, что ему было известно об обстоятельствах его исчезновения. Изложил, кстати, весьма толково для творческой личности, которой положено быть непрактичной и сумбурной.

Обстоятельства эти были таковы. Прямо с самолета, как я и предполагала, Мартинес отправился в гостиницу – «привести себя в порядок». На это у него ушло всего полчаса: он торопился в театр к первому антракту – и успел. Уходя, он оставил у себя в номере своего костюмера и гримера, испан-

да Хосе Мария Эстебана, распаковывающим вещи. Хосе отведен на втором этаже «Астории» номер, смежный с «люксом» его патрона, между ними есть прямое сообщение – этот пункт был специально оговорен в контракте.

На этих словах Мигель запнулся и, прежде чем я успела осознать, что за нехорошая мысль у меня промелькнула, рассмеялся, глядя на меня:

– Ой, Таня, вы не подумайте чего! Хосе не в моем вкусе, у меня, так сказать, классическая сексуальная ориентация. А прямое сообщение между номерами нужно совсем не для этого. Просто все мои костюмы и остальные аксессуары обычно размещаются в номере Хосе – все, кроме плаща Радамеса. И, знаете ли, не очень сподручно бегать со всем этим хозяйством по коридору туда-сюда. Это обычная практика всех гастролирующих артистов. Кроме того, Хосе еще и прекрасный массажист. Одним словом, я без него как без рук.

Этот незаменимый Хосе остался в мартинесовском «люксе», занятый крайне важным делом: он должен был распаковать, тщательно осмотреть, если требуется, привести в порядок и определить на хранение в специальный шкаф с сейфовым замком бесценный хозяйский плащ (когда Мигель между прочим обмолвился, что на отделку последнего пошло четыреста граммов чистого золота и 628 бриллиантов, рубинов, сапфиров, изумрудов и прочих камней различной величины, – мне стало просто дурно!). По опыту на это «священнодействие» у Хосе обычно уходит от полутора до трех ча-

сов времени – в зависимости от того, как «плащик» весом почти семь кило перенес дорогу. Но на сей раз египетской одежке не суждено было попасть в сейф!

Прошло чуть больше часа с того момента, как дорогой гость Тарасова покинул гостиницу, когда его неожиданно и срочно вызвали из ложи (только что началось третье действие «Пиковой дамы»). За дверью ему на грудь упал Хосе и, почти теряя сознание от ужаса и горя, покаялся в страшном преступлении: он проворонил плащ Радамеса! Его выкрали из номера – почти из-под носа у горе-костюмера...

А дело было так. Спустя минут сорок–сорок пять после ухода Мигеля в номер позвонил дежурный из холла и сообщил, что какая-то дама непременно хочет видеть господина Мартинеса или кого-нибудь из его служащих, она должна передать очень важное письмо. Посетительница сказала, что подождет в баре. А Хосе только что распаковал плащ, надел его на манекен и готовился приступить к кропотливой работе: пара золотых пластинок отсоединилась, их необходимо было закрепить.

Что было делать? Конечно, проигнорировать визит дамы костюмер не мог: Мартинес всегда и от всех своих сотрудников требует безоговорочного внимания и почтения к поклонникам, а тем паче – к поклонницам. В непредвиденных случаях, подобных этому, надлежало немедленно убрать плащ под защиту сейфного замка, тщательно запереть все двери и отправиться выяснять, что нужно посетительнице.

Хосе все так и сделал. Кроме одного: драгоценный плащ остался на манекене в номере артиста. Костюмер посчитал, что из-за такого пустячного дела не стоит перестраховываться и начинать потом всю работу сначала.

Пять минут потребовалось Хосе, чтобы спуститься в бар гостиницы и убедиться, что нет никакой дамы с письмом для Мартинеса (это было несложно, ибо там в тот момент вообще не было ни одной особы женского пола). Дежурный в холле подтвердил, что дама была и действительно прошла в сторону бара, после чего он больше ее не видел. Как я поняла, объяснялся он с Хосе в основном знаками. Костюмеру ничего не оставалось, кроме как вернуться в номер патрона и... обнаружить, что плащ Радамеса исчез. Посреди комнаты стоял пустой манекен!

Входные двери обоих номеров были заперты, замки в порядке – все так, как и оставил Хосе. Проход между номерами он не перекрывал: зачем, если есть наружные запоры? Но окно в номере самого костюмера оказалось открытым.

Все, на что был еще способен Хосе в охватившей его панике, – это немедля броситься на поиски своего «звездного» работодателя.

– Я просто удивляюсь, как он разыскал театр, – закончил свой рассказ Мартинес. – Ведь к гостинице нас подвезли на машине, а Хосе по-русски едва знает «здравствуйте» и «не понимаю»... Правда, слова «театр», «музыка» и «опера» на всех языках звучат одинаково, наверное, сообразил,

как спросить. Когда он мне все это выложил, я был готов его убить! Еле сдержался... Но потом даже жалко стало беднягу, он был так потрясен, чувствовал себя таким виноватым... Цепляется за меня и твердит: только не надо милиции, не надо милиции... Я, говорит, сам найду плащ, моя вина... Ну, а тут как раз и Федор Ильич вышел вслед за мной, забеспокоился. Пришлось все ему рассказать и просить совета. Мы с ним как-то сразу друг другу понравились, правда, Федор?

В подтверждение директор кивал головой, но сказал он совсем другое:

– Ужасно, ужасно... – конечно же, Федор Ильич имел в виду не свое отношение к знаменитому гостю, а скандальную пропажу имущества последнего.

Чтобы хоть как-то сгладить все это, хозяин кабинета потихоньку потянулся к пятизвездочной бутылочке. Очевидно, его язва была деморализована стрессом и не чинила препятствий.

А вот моим детективным мыслям последние слова Мигеля дали совсем иной ход. Я уточнила:

– Так Хосе просил вас не сообщать о пропаже в милицию? Но почему он ее боится?

– А черт его знает... – Артист неопределенно пожал плечами. – Я думаю, дело не в милиции – Хосе ее и в глаза-то никогда не видел, просто он был не в себе. Наверное, в тот момент он упал бы в обморок, если б рядом с ним громко просигналил автомобиль или твякнула собачка. Я его таким

никогда еще не видел! Правда, и плащ Радамеса у нас впервые украли...

Мигель невесело усмехнулся и тоже протянул холеную руку к бутылке. Я опять уточнила:

– А кто-нибудь когда-нибудь предпринимал попытки?

– Похищения? Не-ет... Многие уговаривали продать – это было. Я имею в виду коллекционеров. Но украсть такую вещь!.. Я-то считал, что плащ надежно застрахован от этого самой своей уникальностью. Ну скажите: куда вор денется с таким «товаром»? Кому он сможет его продать, чтобы не... как это? забыл жаргонное словечко... А, не «засветиться»! Еще капельку, Таня?

– Разве что капельку. А насчет вашего вора – тут, по-моему, все ясно. Он пойдет к одному из тех коллекционеров, которые безуспешно пытались купить у вас плащ Радамеса. Более того: он и сработал-то наверняка по заказу, не с бухты-барухты. Бросьте, Мигель! Разве воров и их заказчиков, тайных коллекционеров, останавливает уникальность полотен великих мастеров, хранящихся в музеях мира? Да несколько!

Он упрямо тряхнул черной гривой с серебристой «искрой» на висках:

– Нет, все-таки что-то здесь не так! Согласен: кое-кто из моих знакомых не побрезговал бы попытаться добыть эту вещь криминальным путем. Но все эти люди живут на Западе, Танечка, в Старом и Новом Свете. Только не в России!

Ну, сами посудите: кто в нашем с вами Отечестве мог бы пойти на такое дело? Богатых наследственных аристократов, уединенно живущих в своих замках, здесь нет. Люди, которые действительно понимают толк в искусстве, те, как правило, бедны словно церковные крысы. А этим, как вы их называете, «новым русским» мой плащ нужен примерно так же, как... скрипка Страдивари или письма Чехова. На кой черт ему, «новому русскому», сдалась штука, которой он не сможет помахать перед носом такого же нувориша? Да он лучше поставит себе, пардон, золотой унитаз в сортире или купит своей пассии очередной камушек величиной с арбуз – на большее у него фантазии не хватит!

Я смотрела на него с любопытством. Может, у этого парня действительно «золотая» глотка, как о нем кричат газеты, – не мне судить. Но голова у него уж точно соображает неплохо! У меня снова возникло чувство, что я сижу на родной российской кухоньке с каким-нибудь старым добрым приятелем, своим в доску и знающим нашу житуху изнутри, с изнанки... А вовсе не с мировой знаменитостью, эстетом и снобом, привыкшим к славе, как я к риску и опасностям, путешествующим по свету так же свободно, как я – по своей квартире. И каким-то чудом залетевшим в наш провинциальный городишко, чтобы скорее всего никогда больше сюда не вернуться...

«Русский испанец» тоже смотрел на меня, как бы ожидая моего согласия; его глаза влажно блестели не только от ко-

ньяка, а еще от чего-то, о чем я могла только догадываться... Не дождавшись, он сам закончил свою мысль:

– А если заказчик живет не в России, то зачем, я вас спрашиваю, похищать плащ здесь? Чтобы потом с огромным риском тащить его через границу, а может, и не одну... Это же верх абсурда! Не проще ли было бы украсть его где-нибудь поближе к месту назначения – я ведь в эти три года где только не побывал... Нет, тут что-то не так! Только никак не пойму – что. Какой собаке понадобилось увести плащ Радамеса именно в Тарасове, и главное – зачем?! Вы должны помочь мне разобраться, Таня!

На последней фразе Мигель с неожиданной для «эстета» силой и с явно испанским темпераментом хлопнул ладонью по маленькому столику, отчего стоящая на нем бутылка (уже почти пустая) и мирно задремавший было директор театра подскочили на месте.

– Друзья мои! – испуганно закричал потревоженный Федор Ильич. – Кажется, я немного... сошел с дистанции. Прощу меня извинить! Если вы не возражаете, давайте обсудим финансовые условия, и... засим мне хотелось бы откланяться. Вряд ли у вас, Танечка, будут сейчас ко мне вопросы: об этом деле я знаю только со слов Мигеля, он вам все расскажет значительно лучше.

Так мы и сделали. Мои финансовые условия были приняты администрацией театра безропотно. Единственное дополнение внес гость Тарасова: мне было обещано десять тысяч

долларов в случае успешного исхода операции «Плащ Радамеса» до начала спектакля вечером в пятницу (а об ином исходе Мартинес и думать не хотел.) Я сочла, что это вполне по-божески: ожидать, что мне предложат пятьдесят процентов от стоимости бесценного плаща, было бы с моей стороны верхом наглости.

Прощаясь с нами, сошедший с дистанции радушный хозяин сказал, что мы, разумеется, можем оставаться на его территории так долго, как это потребуется, – вахтершу он предупредит.

– А вас, Танечка, прошу ко мне без церемоний в любое время, по любому делу! – С этими словами Федор Ильич, уже облаченный в пальто, исчез за двойной дверью, держа в руке свою шляпу.

Как только мы остались вдвоем, влажный блеск в глазах моего собеседника усилился; в их темных глубинах появилось новое выражение – как будто там поселилась какая-то смутная мысль или надежда, до которой пока еще не дошла очередь. Но он, конечно же, был слишком хорошо воспитан, чтобы с ходу делать мне «недостойные» предложения. И, увы, слишком озабочен своей пропажей.

– Вы рассказали мне все, что знаете, Мигель?

– Нет. Я еще не доложил о результатах моего собственного предварительного расследования. Правда, они очень скромные, но все же...

– Чего, чего?

– Ну, неужели вы думаете, Танечка, что я, выслушав Хосе, стал рвать на себе волосы, а потом с горя сел хлестать коньяк с милейшим Федором? Конечно, я тут же помчался в гостиницу, чтобы самому во всем убедиться и разобраться. Надо было хорошенько расспросить людей об той даме под вуалью.

– Под вуалью?

– Ну да, она была в шляпе с широкими полями и густой вуалью, совершенно скрывающей лицо. Об этом я узнал, разумеется, уже от портье в холле, не от Хосе – ведь он не мог никому задать ни одного вопроса толком, объяснялся как глухонемой. Дама была высокая и говорила низким грудным голосом, слегка глуховатым. На ней было длинное пальто, застегнутое на все пуговицы, и кожаные перчатки. Кроме этой самой вуали, ничего особенного в ее облике портье не приметил. Но обратил внимание на одну маленькую странность: когда дама хотела достать деньги, чтобы отблагодарить портье за услугу (она дала ему пять долларов), то сперва полезла в карман пальто, и только потом открыла сумочку, и достала купюру из кошелька. Кстати, не снимая перчаток... Вам это о чем-нибудь говорит?

– Переодетый мужчина?!

– Точно. Я тоже так подумал. Ну скажите, какая женщина, держа в руках сумочку, полезла бы за деньгами в карман?..

Я вынуждена была признать, что, став оперным певцом, Мигель Мартинес похоронил в себе отличного детектива. Он

усмехнулся:

– Спасибо за комплимент. Только я очень хотел бы, чтоб эти способности никогда больше мне негодились! Но я еще не сказал вам самого главного, Танечка. Я попросил портье припомнить дословно все, что сказала эта «дама». Тоже не бесплатно, разумеется... Ничего особенного в ее словах не было. Кроме одной любопытной детали – по-моему, очень даже любопытной! Она сказала (или он): «У меня важное письмо для „дона Марти“...» Скажите, Таня, встречали вы где-нибудь в печати, чтобы меня так называли?

– Да нет вроде бы...

– Правильно. И не встретите. Потому что это прозвище употребляется в очень узком кругу. Только среди оперного бомонда. Вернее, в основном в кругу известных теноров и никогда – публично. Так сказать, ласковое «семейное» прозвище. По-моему, только однажды Лючано... Паваротти, я имею в виду, назвал меня так на публике. Правда, тогда и публика была специфическая... в основном, члены королевских семей Европы. И уж, во всяком случае, никакой прессы. Так что я в полном недоумении, Таня! До сегодняшнего вечера я мог бы поклясться, что в Тарасове никто и не слышал этого имени – «дон Марти»...

Я согласилась, что это и в самом деле очень интересно.

Приватная беседа со служащим «Астории», которого Мартинес называл портье, была центральным пунктом в «расследовании» испанца, но не единственным. Он выяснил

также, что в бар мужеподобная дама даже не заходила – там ее никто не видел. Зато у нее была прекрасная возможность подняться незамеченной на второй этаж по служебной лестнице, выход на которую находится как раз рядом с дверью злачного места. А дальше – попасть в номер Хосе или Мартина уже не представляло труда: с позиции дежурной по этажу двери номеров 23 и 24 не просматриваются, ее столик расположен за поворотом коридора, у главной лестницы. Не представляло труда, конечно, при условии, что «дама» располагала либо ключами от одного из номеров, либо профессиональными навыками попадать за запертые двери без помощи ключей.

К слову сказать, замки в номерах этого старинного тарасовского отеля были самые что ни есть допотопные – это я знала по своему богатому опыту. Так что открыть их – плевое дело даже для начинающего взломщика. Впрочем, учитывая острый дефицит времени у вора и то, что Хосе обнаружил оба номера запертыми, логичнее предположить, что похититель действовал все-таки ключами. Но в таком случае, где он их раздобыл?..

– Вы, конечно, говорили и с дежурной по этажу? – спросила я «детектива-любителя».

– Конечно, говорил. Мне она показалась очень милой женщиной. Она никуда не отлучалась в это время, но не видела никакой дамы с вуалью и не слышала ничего подозрительного. С того момента, когда Хосе спустился вниз, и до

тех пор, когда он вернулся минут через десять, вообще никто не попадал в поле ее зрения. Правда, у нее все время звонил телефон: то начальство с распоряжениями, то постояльцы с вопросами. К ним сегодня заехали еще какие-то немцы-ученые. В общем, день хлопот.

– А как же ваша таинственная «гостья» покинула гостиницу? Кто-нибудь ее видел?

– Ну, это-то, думаю, совсем простой вопрос: она воспользовалась окном. Я еще не успел вам сказать, что рядом с окном Хосе, слева, проходит пожарная лестница. По ней без труда мог бы спуститься вниз даже ребенок. А там – вы знаете, наверно? – глухие дворы выводят вас на маленькую улочку, параллельную проспекту Кирова, – уже забыл, как она называется... Так что «даму» больше никто не видел, и это не удивительно.

– Вы что же – и глухие дворы сами проверили?!

«Коллега» скромно пожал плечами, опустив глаза: как же, мол, иначе, раз взялся за дело – доводи до конца...

– Я привык к блеску юпитеров, это правда, но и темноты не боюсь, Танечка!

А я, пожалуй, пошла бы в разведку с этим баловнем славы!

– Мигель, так вы никому из гостиничного персонала не обмолвились о пропаже? Все-таки вы их расспрашивали... Они ничего не заподозрили?

– Обижаете, сударыня. Я был очень осторожен. Всем им

я сказал, что это, по-видимому, приходила моя давняя знакомая, и я очень расстроен, что она разминулась с Хосе. И эти люди, разумеется, не задавали лишних вопросов. Только дежурная по этажу немного разволновалась и спросила, все ли в порядке. Но ее можно понять: если случается какая-нибудь неприятность – спрос с нее первой. Я ее успокоил.

Да уж, я думаю, вы умеете успокаивать женщин, «дон Марти»... Только если бы администрация «Астории» пронохала, что в действительности произошло у вас в номере, – даже ваших талантов оказалось бы недостаточно!

– Танечка... – Мой клиент выпрямился в кресле. – Не считите меня нахалом, напоминающим даме о времени... Но, боюсь, нам пора покидать кабинет гостеприимного Федора Ильича. Скоро час ночи, и с минуты на минуту здешняя публика начнет расходиться с банкета. Мне страшно даже подумать, что будет, если они меня здесь «засекут»: ведь они думают, что я уже вижу десятый сон у себя в отеле...

– Вы правы, Мигель. Извините, я вас замучила, а ведь вы с дороги...

– Не говорите так, прошу... – Он осторожно, кончиками длинных пальцев коснулся моей руки, лежащей на столе. – С вами я провел прекрасный вечер, несмотря ни на что. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Мартинес легко поднялся с кресла, опять обогнул столик, за которым мы сидели, и, теперь уже смело взяв со стола мою конечность, совершил свой «рукоприкладный» ри-

туал. Только на этот раз он несколько затянулся – настолько, что мне вдруг захотелось зарыться носом в его шевелюру... Черт, это все армянский коньяк играет! Скорее на воздух...

– И потом, вы так уж сильно не спешите. Я намерен вас проводить, Танечка. На этот раз – даже если вы против – я не могу допустить, чтобы глубокой ночью вы добирались до дома одна.

– Боже мой, да я живу в двух шагах отсюда! И к тому же, будучи детективом, я умею за себя постоять. Так что давайте лучше я вас провожу: так мне будет спокойнее, что дорогого гостя Тарасова не похитят вслед за его знаменитым плащом!

Он выпрямился и посмотрел на меня с каким-то даже удивлением:

– Таня, я согласен считать это шуткой, но на большее не рассчитывайте! Вы что же, серьезно считаете, что я не могу за себя постоять?! Я ж вам уже сказал, что не боюсь темноты. К вашему сведению, детектив, я весьма неплохой боксер. И вообще считаю, что артист должен уметь все... неплохо. Так что идемте!

Мне еще сильнее захотелось пойти с ним в разведку. Желательно на все три ночи и три дня – до самой «Аиды»... Нет, конечно, виноват коньяк, что же еще!

Мигель помог мне облачиться в пальто (чуть дольше, чем требовалось, задержав руки на моих плечах), надел свое, которое, оказывается, тоже обреталось в директорском шкафу; и, только распахнув передо мной обе двери, щелкнул выключо-

чателем. Правильно сделал, хотя я тоже не боюсь темноты, но бывают особые случаи...

Перед закрытой дверью «предбанника» мой спутник сделал предупреждающий знак и прислушался. Кажется, разгоряченных банкетом служителей муз в коридоре не было.

– Пожалуйста, взгляните, Таня...

Я выглянула. Все было чисто, только вахтерша со своего места, заметив меня, помахала рукой:

– Идите, идите, никого!

Очевидно, старушка была в курсе, что нас в театре «нет».

Мы спортивным шагом преодолели свое коридорное крыло: с противоположной стороны слышался приближающийся шум голосов и ног. Я кубарем скатилась по ступенькам к массивной входной двери – и услышала за спиной вкрадчивый голос испанца:

– Доброй вам ночи, до свидания. Вы помните, конечно, что меня здесь нет уже три часа?.. Спасибо, спасибо! Вот племянница меня разыскала, представляете? Тройродной сестры дочка... Заболтались и совсем забыли о времени.

Я обернулась и ослепительной улыбкой подтвердила свои родственные чувства:

– Бежим, «дядюшка», а то коллеги заметут!

Оказавшись на улице, мы пробежали полквартиры и только тогда, остановившись, расхохотались.

– Вы бесподобны, дон Марти! – искренне сказала я, цепляя его под руку. – Надеюсь, мне можно называть вас так,

по-домашнему?

– Разумеется, Танечка, вы же моя племянница! В свою очередь надеюсь, что вы не откажетесь немного побыть моей родственницей, для конспирации? Хотя бы дальней...

Бог его знает, что он хотел сказать последней фразой. Я не стала уточнять.

Ночка была явно не для прогулок по городу. Промозглый ветер не утих – напротив, к нему добавилась какая-то мерзкая изморось. И стало еще холоднее, чем днем.

Мне было жалко непокрытой головы моего спутника, терзаемой ветром, и я быстро потащила его по пустынной улице Горького, залитой разноцветными огнями фонарей, неоновых вывесок и витрин. Редкие машины проносились мимо нас, не обращая никакого внимания на мигающий желтый глаз светофора.

А Мартинес как будто и не замечал ни отвратной погоды, ни моей заботы о клиенте. Он глазел по сторонам.

– Не спешите, Таня, пожалуйста! Дайте мне посмотреть. Ведь это почти мой родной город, самые лучшие, самые светлые годы прошли здесь. Боже мой! Я не был тут восемнадцать лет...

– Но, Мигель, вы простудитесь! – сопротивлялась я. – И не сможете петь в пятницу.

– Ерунда, Танечка, я буду петь в любом состоянии! У артиста не может быть причин, чтобы не выйти на сцену. Кроме смерти, конечно, но до этого, надеюсь, еще далеко. Ну хо-

рошо, хорошо, подниму воротник! Нет, вы только подумайте: будто совсем другой город! Так все изменилось... И все-таки я его узнаю... да, узнаю! Вы тарасовская, Таня? Правда? Значит, мы с вами жили здесь в одно и то же время!

– Я тогда была еще совсем девчонкой.

Это прозвучало как невольный намек. Михаил Викторович сразу погрузнел:

– Да. Мы принадлежим к разным поколениям, это правда. – Он смотрел в сторону, будто разглядывал старинное здание, оставшееся в его памяти. – Но я как-то привык не думать о годах. Этот бешеный ритм жизни... Бесконечные поездки, самолеты, теплоходы, отели; разные страны, города, люди. И – работа, работа, работа... Со всем этим ты как бы вне возраста: возраст – лишний груз, за борт его! А здесь, в Тарасове, я и подавно чувствую себя двадцатилетним мальчишкой. Наверное, это выглядит смешно, да?

Он наклонился ко мне и заглянул в глаза:

– Скажите мне правду, Таня: я и в самом деле кажусь вам безнадежно старым?

Я попыталась отшутиться:

– Давайте лучше сменим тему. Не то вы вытяните из бедной девушки какое-нибудь признание!

Он упрямо тряхнул головой:

– Обязательно вытяну! А уж потом сменим тему, если хотите. Отвечайте: считаете вы меня смешным старым дяденькой или нет?

– Нет, черт вас побери! Даже слишком нет! Весь вечер пытаюсь убедить себя, что вы намного старше меня, и что вы знаменитость, и вообще человек из другого мира, – и у меня ничего не получается. Ничего! Ну что, довольны?

– Да, – просто ответил он, по-прежнему пристально глядя мне в глаза. – Спасибо вам. Так о чем мы будем говорить теперь?

Мы как раз проходили мимо «Астории». Холодная ночь выветрила из меня коньячные пары и настроила на деловой лад.

– Мигель, расскажите мне, пожалуйста, об этом вашем Хосе Мария Эстебана. Что за человек? Давно вы его знаете?

– Почти три года... Постойте, вы что, подозреваете в чем-то Хосе?

– Я пока еще никого ни в чем не подозреваю. Я просто отрабатываю версии. А Хосе в этом деле – ключевая фигура, с этим, думаю, даже вы, упрямец, спорить не будете.

– Я понимаю... Ну хорошо. Хотя я не верю в причастность Эстебана к похищению плаща, но вы правы. Я расскажу вам о Хосе. Три года назад, вскоре после моего пышного юбилея – слишком пышного, на мой взгляд, – умер мой старый костюмер, итальянец Пьетро. Славный был старик, почти десять лет он работал у меня... Тогда-то и появился на горизонте Хосе. Уже не помню, от кого я о нем впервые услышал, но нашел он меня сам, это точно. У него были прекрасные рекомендации, а мне срочно требовался специалист... В об-

щем, я его взял. И в самом деле, работником он оказался отличным, дело знает превосходно. Содержит мое театральное хозяйство в образцовом порядке.

– Ну а как человек? Характер? Склонности? Слабости? Привычки?

– Как человек? Хм... Знаете, Таня, а ведь вы своим вопросом попали в «больную» точку. Я совсем не знаю, что за человек Хосе. Правда, не скажу, что очень уж старался узнать, но кое-какие попытки все же предпринимал. И это тем более странно, что вообще-то я легко схожусь с людьми. И перед обслуживающим персоналом – что в театре, что в быту – никогда нос не задираю. Со стариком Пьетро, например, мы были друзья. Мне его до сих пор не хватает. А Хосе... совсем другое дело.

Мой спутник задумчиво смотрел вдоль пустынного «тарасовского Арбата».

– Ну, что могу сказать о нем? В общении выдержан, холодно-вежлив, ровен. Не помню ни одного случая, чтобы он сорвался. Что бы ни случилось – даже на полтона голос не повысит. Сначала меня это доводило порой до бешенства, но теперь привык. Говорю ему: «Хосе, вы человек без темперамента!» – но он и на это не реагирует. Мне, говорит, дон Мигель, темперамент ни к чему, я не артист. Меня называет только «доном», хотя сам даже постарше – с сорок девятого года. Документы, кстати, у него в порядке, я проверял. А на вид, как мне кажется, – человек без возраста. Ему можно

дать тридцать восемь точно так же, как и сорок восемь...

– Это он все время был рядом с вами в аэропорту? Невысокий такой, невзрачный... Вы ему еще цветы передавали.

Мигель кивнул:

– Он. «Невзрачный»... Это вы очень точно сказали. Пожалуй, это словечко лучше всего характеризует Хосе. И не только внешне...

– Не очень-то он похож на испанца!

– А он и не испанец, он баск. Так, по крайней мере, он сам о себе говорит. Это совсем не одно и то же. Баски – северяне, почти французы! – пошутил «русский испанец». – По-моему, национальные признаки у Хосе столь же размыты, как и возрастные. Во всяком случае, определенно могу сказать, что французским, английским и немецким языками он владеет так же хорошо, как и испанским.

Я присвистнула: «хорош „костюмер“»!

– Но как же вы такого полиглота за три года не обучили русскому?

– Я же сказал, что предпринимал попытки, но... Очень скоро понял: то, что этот человек хотел знать, он давно уже знает. А что не хочет – того узнавать и не собирается. Что ж, это его право. В конце концов, свою основную работу он делает хорошо, так чего мне еще?

Тут я вспомнила нечто важное. Оно давно засело в мозгу «занозой», но только сейчас оформилось наконец в вопрос:

– Послушайте, Мигель... Я не могу понять одного: если

этот Хосе совсем не сечет по-русски, то как же тогда до него дошло, что говорил ему портье по телефону? Ведь он ему довольно много наболтал, если я вас правильно поняла. Что пришла дама с письмом и хочет видеть вас или кого-то из ваших сотрудников и что она будет ждать в баре...

– Черт! – Он даже остановился, отчего я, все так же крепко державшая его под руку, развернулась к нему лицом. – А ведь правда... Я сразу и не сообразил. Но все это я и в самом деле услышал от Хосе, я точно помню! Ну, он мог, конечно, догадаться о смысле целой фразы по отдельным понятным словам: например, «дама», «бар», мое имя... Но все равно странно. Я обязательно спрошу у него.

– Нет, только не у него! Расспросите еще раз этого портье, хорошо? Пусть вспомнит, что и как он сказал Хосе. Может, он просто-напросто говорил с ним по-английски или по-французски! Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы наши гостиничные портье были на это способны.

– Хорошо, Таня. Я непременно это выясню.

– А Хосе, пожалуйста, пока ни слова обо мне. Конечно, завтра я на него обязательно взгляну сама... то есть теперь уже сегодня. Но пусть для него, как и для всех остальных, я пока буду вашей племянницей. Это вы хорошо придумали, Мигель. Будем продолжать эту игру.

– Отлично. Мне она нравится!

«А мне больше прихлась бы по вкусу другая», – откровенно подумала я.

– Что еще вам рассказал о себе Хосе? Кроме того, что он из басков.

– Очень немного. Говорил, что жизнь побросала его по свету – отсюда, мол, и знание языков. Работал парикмахером, коммивояжером, дворецким, даже автомехаником. Пока не прибился к какой-то бродячей театральной труппе. Пробовал играть, но... – Мигель самодовольно усмехнулся. – Какой из него актер... Так и освоил нынешнее свое ремесло. Надо отдать ему должное – неплохо освоил. Дальше ему, по его же выражению, «немножко повезло»: познакомился с самим Питером Устиновым. Поработал с ним, но недолго. Попал в Голливуд. Ну, а там уже его заметил кое-кто из оперных корифеев, предложил сменить специализацию на музыкальный театр. Вот так Хосе и дошел до меня. Еще он говорил, что никаких родственников у него не осталось – один как перст. Своей семьи никогда не было. О причинах Хосе не распространялся, но, по-моему, по сексуальной части у него все в порядке.

– Что, любит женщин?

– Да, но несколько своеобразно, я бы сказал. Я никогда не видел его ни с одной женщиной. Но всюду, куда мы с ним приезжали в эти три года, Хосе при первом же удобном случае отправлялся... к девочкам. Как будто «коллекционирует» проституток, понимаете...

– Это он сам вам рассказывал?

– Ну конечно, кто же еще. И то я из него еле вытянул эту

правду. Просто мне стало интересно, куда это он регулярно исчезает, не имея ни родственников, ни друзей. И я спросил – в шутку, конечно, – какой такой тайной деятельностью он занимается? Я, говорю, совсем не хочу вместе с вами, Хосе, влипнуть в какой-нибудь скандал. Вот тут он и признался в своих «грехах». Не скажу, что мне это понравилось, но что я могу поделывать? Он же мужчина. Я только просил его быть поосторожнее. Впрочем, чему-чему, а осторожности учить Хосе, по-моему, не надо. Зануда. Педант. Наверное, поэтому и не женился.

Мигель замолчал, опять с интересом поглядывая по сторонам. Мы уже добрались до Крытого рынка. До моего дома – а значит, и до конца нашей беседы – оставалось совсем немного пути.

– А вы женаты, Мигель? – сама не знаю, зачем я это спросила. Наверное, просто профессиональная тяга к информации: в наших газетах об этом не было ничего.

– Да. Правда, относительно недавно: все некогда было... Делал себя! Сыну скоро пять лет, зовут Виктором, как моего отца. Жаль, старик не дождался внука. Мама-то у нас еще раньше... Поэтому отец и согласился уехать ко мне в Испанию: тут ему было слишком тяжело после ее смерти. Мама похоронена здесь, на Воскресенском. Утром первым делом туда поеду, до репетиции. Восемнадцать лет не был на могиле матери... скотина! Отец несколько раз приезжал, а я... Мне все некогда. Вот так жизнь распорядится, Танечка. А

жена у меня итальянка, тоже певица. Она очень славная.

– Значит, вы в полном порядке, дон Марти?

– Да, в полнейшем! Я такой famoso cantante – знаменитый певец... Семья, друзья, карьера – все muy buen, Танечка. Просто замечательно...

Только почему-то в голосе «фамозо кантанте» не чувствовалось особой радости. Его бархатный баритон прозвучал совсем глухо, когда он сказал:

– Беда в том, что я слишком долго был русским, и мне всего этого мало... Да, так мы с вами говорили о Хосе, кажется? – продолжал он как ни в чем не бывало. – Могу еще добавить: не курит, не пьет – то есть абсолютно, ничего и никогда. Страшный аккуратист. По-моему, жадноватый. Я, например, не припомню, чтобы он позволил себе что-нибудь особенное... ну, скажем, из одежды. Хотя зарабатывает он сейчас неплохо, и я замечал в нем этакую скрытую склонность к франтовству. Но почему-то у меня сложилось впечатление, что он старается выглядеть неприметно, как можно меньше бросаться в глаза. Может, мне это только кажется. Как проводит свободное время, кроме визитов к девочкам, с кем общается, чем увлекается – это мне неизвестно. Это все, что я знаю, Таня. Я вам уже говорил, что сегодня... то есть теперь – вчера, я впервые увидел другого Хосе. Честно говоря, такого всплеска эмоций я от него не ожидал. Так что, как видите, насчет отсутствия у него темперамента я был не прав! Но чтобы он был причастен к краже... Нет, это не укла-

дывается у меня в голове.

Мартинес задумчиво покачал головой.

– Да, Таня! А что мне сказать ему? Ведь Хосе первым делом спросит, что я предпринял.

– Скажите ему правду: что решили обойтись без милиции и наняли частного детектива, очень компетентного – это, пожалуйста, подчеркните! Только не говорите, что я – это «он». Скажите, что вы сами все рассказали сыщику и он уже идет по следу – что-нибудь в этом духе.

– Понятно. Но Хосе не дурак, Таня, он может догадаться, что вы – это «он».

– А пусть гадает, это его проблемы. Нам важно понаблюдать за его реакцией, посмотреть, как он будет действовать. Возможно, и никак, если он ни в чем не замешан. А может быть... словом, все может быть, Мигель! И поэтому вы должны завтра... то есть сегодня, ненавязчиво устроить нам встречу. Скажем, пригласите свою племянницу на чашечку кофе к себе в номер, и пусть он тоже присутствует. Это не будет слишком противоречить вашим... м-м... правилам?

– Да нет, отчего же... Вы моя племянница, поэтому ваше появление в моем номере не должно вызвать ни у кого подозрений. А с Хосе мы часто пьем вместе кофе, и обедаем, и ужинаем – на гастролях, я имею в виду. Так что все в порядке. Часа в четыре, пойдет? Раньше, боюсь, не получится: репетиция, прием у губернатора... А в шесть я должен быть уже в театре – играть «звезду оперы» Мигеля Мартинеса!

– Договорились. Если что-то изменится – пожалуйста, позвоните мне. Мне придется с утра побегать, но автоответчик будет включен. Только предупреждаю вас, «дядюшка»: во время этого визита вежливости ваша «племянница» вряд ли будет хорошо себя вести...

– О, Таня... В каком смысле? – Он не испугался, а скорее заинтересовался; его глаза, в которых отражались желтые фонари, опять живо заблестели.

– Ну, Мигель, мы должны его спровоцировать, заставить раскрыться! Мне кажется почему-то, что он знает по-русски гораздо больше, чем «не понимаю»... Я постараюсь принять основной удар на свою репутацию, но вы все-таки немного подыграйте, ладно? Ну, понимаете, о чем я?

– Кажется, да... – Несколько секунд он смотрел на меня в некотором смущении, потом расхохотался: – Бедный Хосе! Он и представить себе не может, чтобы его патрон... Не волнуйтесь, Таня, я все понял. Всегда готов!

Последние слова он сказал почти совсем серьезно.

– Вот я и дома... – Мы стояли перед моим подъездом. – Извините, Мигель, но к себе на кофе не приглашаю: немедленно в гостиницу и спать!

– Буэнос ночес, Танечка! Вы уверены, что в вашем подъезде безопасно?

– Абсолютно, во всяком случае – для меня. Спокойной ночи... Михаил.

– Ну, наконец-то! А то все – Мигель, Мигель...

«Русский испанец» быстро наклонился ко мне и... впервые за весь вечер разочаровал свою новую родственницу. Он опять прижался губами всего-навсего к моим рукам. Я даже не успела снять перчатки. Но и через тонкую телячью кожу меня обожгло его горячее дыхание...

Нет, кабальеро, мы с вами и правда принадлежим к разным поколениям!

ГЛАВА 3

...Мы с доном Мигелем Мартинесом пробирались по театральному закулисию, крепко вцепившись друг в друга. Из всех щелей нам навстречу выползали мужчины и женщины в пышных платьях, камзолах и плащах, в причудливых париках и с неживыми лицами в толстом слое грима. Все они показывали на нас пальцами, укоризненно качали головами, делали страшные глаза и на разные голоса декламировали: «А почему ты не был на банкете?! Позор! Тоска! О, жалкий жребий твой!..» Дон Мигель испуганно загораживался мной и отвечал жалкой прозой: «Простите, извините! Вот, племянницу встретил. Мы с ней в разведку ходили...» При этом фамозо кантанте с интересом рассматривал и даже шупал все встречные плащи оперных героев, как будто что-то искал.

Неожиданно у нас на пути возник мрачный Онегин в цилиндре, завернутый в черный плащ. Он бесцеремонно оторвал меня от моего спутника, развернул к свету: «Ужель та самая Татьяна?..» Но тут же бросил – наверное, понял, что не та, – и пристал к «дядюшке»: «Стреляться, Ленский! Ты удрал с банкета!»

– Я не Ленский, я Радамес! – плаксиво ответил «дорогой гость Тарасова». – Отцепись от меня, я свой плащ потерял! Это не он случайно на тебе? Нет, не он... Мой потяжелее

будет!

Возмущенный Онегин провалился куда-то в темноту, а мы все почему-то оказались в ярко освещенном директорском кабинете. Прямо посередке на ковре стояла плаха, и палач в красном балахоне уже занес топор, готовясь отсечь руку Федора Ильича...

Меня сковал ледяной ужас. А самым ужасным было то, что сам Федор Ильич не только не выказывал никакого протеста, но, напротив, относился к идее усекновения конечности с явным одобрением!

Но тут палача схватил за руку Хосе в шляпе с вуалью, вопя на чистейшем русском языке:

– Не надо, не надо! Мы пойдем другим путем! Я сам найду плащ!

Он вырвал топор, зашвырнул далеко в угол и, подбежав к окну, распахнул его...

– Куда вы, Хосе? – закричал Мигель ему вслед.

– В милицию, сдаваться! – И костюмер проворно выскокчил в окно.

Тут послышался театральный звонок, призывающий всех на спектакль. Он звучал все громче и громче, и маски, наполнявшие комнату, быстро растворялись в этом назойливом звуке. Последнее, что я помню, – это деловитый голос директора:

– Друзья мои, нам пора! Осталось три дня и две ночи...

А звонок все звонил, звонил... Телефон!!!

Еще не стряхнув с себя этот ночной кошмар, с закрытыми глазами я схватила трубку:

– Алло!

– Танечка, доброе утро, это Мартинес. Простите, ради Бога, что разбудил вас так рано...

– Да, вы не были на банкете, это ужасно...

– Какой банкет! А, вы еще не проснулись... Хосе пропал, Таня!

– Что?! – вот теперь я уж точно проснулась.

– Да, да, я не шучу! – голос дона Марти ясно говорил о том, что ему не до шуток. – Боюсь, с ним случилась беда. Когда я вернулся ночью, то обнаружил, что его нет в номере. Я справился у персонала, когда он ушел. Мне сказали, что господин Эстебан действительно выходил из номера, но очень ненадолго и вскоре вернулся. А портье случайно заметил через стеклянную дверь, как он подошел к телефону-автомату на улице. Он кому-то звонил, Таня!

– Но вы сказали мне, будто бы у него нет знакомых в Тарасове...

– И повторяю! Он сам мне это говорил! Более того, Хосе вообще впервые в России. Я просто теряюсь в догадках...

– И что было дальше?

– Ну вот, он позвонил с улицы и вернулся к себе в номер и больше не выходил. Я уже обо всем догадался и проверил окно в его номере. Конечно, оно оказалось незапертым: Хосе сбежал по пожарной лестнице! Постель была не разобрана:

значит, он даже не ложился.

– Во сколько он выходил звонить?

– Портье сказал – в самом начале десятого. То есть почти сразу же после того, как я вернулся в театр.

– Просто не портье у вас, а клад! Все-то он знает...

– Да, я ему тоже сказал, что из него вышел бы неплохой сыщик.

– И вы ничего не предприняли, Мигель! Почему сразу же не позвонили мне?

– Я не посмел – вы уже спали, конечно. Да и сам я, честно говоря, валился с ног. Ведь у меня вчера было целых два перелета: из Мадрида в Москву и из Москвы сюда, – извиняющимся тоном пояснил мой клиент. – И главное, я подумал, что Хосе просто решил снять стресс привычным для себя способом. Ну, любовными утехами. Признаться, я очень разозлился на него опять, плюнул и лег спать. И только сейчас, проснувшись, обнаружил его записку.

– Записку?

– Да, он припрятал ее среди моих вещей – похоже, с таким расчетом, чтобы я ее нашел не раньше утра. Написана явно рукой Хосе: «Дон Мигель, пожалуйста, не поднимайте шума. Я вернусь с плащом». Нет, как вам это нравится, Таня?! Он сошел с ума! Я-то подумал вчера, что он это ляпнул так просто, от потрясения. Посоветовал ему успокоиться, выбросить эту дурь из головы и принять снотворное, а он...

– Хосе просил вас вчера не заявлять... Ой, подождите, Мигель, вы откуда звоните – из своего номера?

– Из автомата, Танечка, из автомата, я не дурак.

– Вы просто умница! Он просил вас не заявлять в милицию. Вы ему это обещали?

– Обещал, конечно. Он же вцепился в меня, как черт в грешную душу, и готов был упасть на колени! Я ему сказал, что проведу частное расследование.

– Все ясно...

На самом деле ясно мне было только то, что дело это – темное.

– Что вам ясно, Таня, что? Он же не знает ни города, ни языка, влипнет в какую-нибудь скверную историю! Что делать? Куда его черт понес среди ночи?! Или... – Он замолчал, пораженный неожиданной мыслью. – Или ему и правда что-то известно об этом деле?..

– Вот именно, Михаил Викторович, вот именно! Который сейчас час?

– Начало восьмого. Я собирался съездить на могилу матери, я вам говорил...

– Вот и поезжайте. Все равно я раньше чем через полтора часа буду не в состоянии... Только до вашей репетиции нам надо обязательно встретиться у вас в номере. Мне необходимо, уж извините, немного порыться в вещах вашего сбежавшего служащего. Если он, конечно, до тех пор не вернется – с плащом или без него. И пожалуйста, попросите там, чтобы

горничные к вам пока не входили.

– О, я понимаю... Конечно, приходите. К девяти я обязательно вернусь. Предупрежу портье, что меня навестит племянница, чтобы вам не задавали лишних вопросов. Да, кстати, я выяснил у него насчет вчерашних телефонных переговоров с Хосе.

– Да, и что же?

– В самом деле, все это выглядит несколько странно. Разумеется, портье говорил с ним по-русски, но у него сложилось впечатление, что Хосе его понял отлично. Правда, сам Хосе не сказал по-русски ни слова, лишь несколько раз произнес «си» – то есть «да» – и положил трубку. Потом Хосе спустился вниз и прошел в сторону бара, но через две-три минуты вернулся несколько растерянный и что-то спросил у портье по-испански про «даму». Тот как мог объяснил ему, что дама и в самом деле прошла к бару и должна быть там. Хосе отрицательно покачал головой – «но, но!». Потом, пожав плечами, добавил по-русски «не понимаю» – и отправился наверх. Вот таким образом.

– Спасибо, Мигель. Вы отличный клиент – сами работаете за детектива! Но я постараюсь исправиться. До встречи, «дядюшка»!

– Hasta luego, Танечка, до скорой встречи! Я всегда ей рад... – Его баритон на прощание прозвучал особенно бархатно.

Я без сил уронила голову на подушку. В ней – то есть в го-

лове – звучал взбесившийся симфонический оркестр, причем сильнее всех прочих инструментов бесчинствовали литавры и большой барабан. Но о том, чтобы отвести душу и выспаться в свое удовольствие, не могло быть и речи: чтобы в девять при полном параде быть у моего звездного «родственника», надо начинать собираться сейчас. Да и какое уж тут удовольствие! Такой мерзкий сон, да еще и в руку...

Но минут десять еще можно поваляться. Все равно нужно собрать забитые «оркестром» мысли. И скорректировать намеченный план действий в соответствии с последним ошеломляющим событием.

Ну, Хосе Мария Эстебан!.. Карамба! (Я добавила еще несколько слов про себя, но уже не по-испански.) Я нанималась искать драгоценный плащик, но не тебя, козел! Да и как мне теперь подступиться к поискам без тебя?! Я-то рассчитывала, что ты меня выведешь на пропажу. Уж рыло-то у тебя явно в пуху, этого только твой благородный кабальеро не замечает! А мне оно вообще не понравилось – даже мельком, даже на экране. Не мог дожидаться, пока я на тебя поближе посмотрю, а потом уже и сяду тебе на хвост... Так нет – надо в бега! Одно слово: нерусь. Иностранщина безмозглая!

Но что все-таки известно этому Хосе? Почему его так шокировала пропажа плаща Радамеса – судя по рассказу Мартинеса, гораздо больше, чем самого хозяина? Уж не потому, разумеется, что он такой честный служака. Кому он звонил на ночь глядя, зачем? И почему сбежал? Просто от страха пе-

ред кем-то или чем-то или действительно рассчитывает вернуть плащ? У меня не было никаких сомнений, что бегство костюмера связано с его таинственным телефонным звонком и с не менее таинственной пропажей плаща.

И опять я упираюсь в тот же самый вопрос: что известно Хосе? Замкнутый круг...

Ладно, хватит. Устроила тут «утро вопросов без ответов»... Все равно по Хосе ты не продвинешься больше ни на шаг, пока не проведешь у него в номере маленький хорошенький обыск и не получишь какие-то результаты... дай-то Бог, чтобы они были! Что у нас еще есть, кроме Хосе? Какие ниточки-зацепочки?

Во-первых, «дама». Уж она-то точно была: ее видел портье. Высокая дама под густой вуалью, говорившая грубым голосом, не снимавшая перчаток и полезшая за деньгами в карман вместо сумочки...

Во-вторых, «дон Марти». «Узкосемейное» музыкальное прозвище дорогого гостя Тарасова, которое, по идее, никому в нашем городе не должно быть известно. И тем не менее оно известно – этой самой «даме». Что сие может означать? Только то, что эта «дама» – а на самом деле скорее всего особа мужского пола – имеет какое-то отношение к опере. Похоже, самое прямое!

В-третьих, ключи. Если только Хосе не оставил дверь одного из номеров открытой или, еще хлеще, не передал хозяйский плащ «даме» из рук в руки, то надо искать еще и

третьего сообщника, вольного или невольного, из гостиничного персонала.

Черт возьми, почти что «любовный треугольник»! И на все про все – три дня и уже две ночи...

Перед тем как выйти из дома, уже совершенно готовая и настроившая свое сердце на любовь (родственную, конечно!), я на несколько минут уединилась со своими гадальными костями. Чтобы не искушать судьбу по пустякам, я не стала спрашивать ни про Хосе, ни про «даму», а поставила сразу глобальный вопрос, охватывающий все три вершины моего «треугольника» и еще многое другое. А именно: «с какой стороны» мне ждать хоть маломальской ясности?

Несмотря на некоторую расплывчатость формулировки, результат гадания был на удивление конкретен. 34+9+18: «Вы вспомните о том, что у вас есть старый верный друг, способный поддержать вас и даже преподнести сюрприз».

Хм... Оно, конечно: старый друг лучше... минутного увлечения (хотя и увлечение, надо признать, – вовсе не плохо!) Осталось только вспомнить.

Разумеется, дежурный в вестибюле «Астории» (не знаю, был ли это тот самый портье, который наверняка подзаработал, продавая информацию дону Мигелю, или он уже сменился) поверил в то, что я племянница приезжей знаменитости, не больше, чем если бы я назвалась его собственной родственницей. Наверное, он подумал о странных привычках некоторых звезд: по всем канонам утром женщины долж-

ны уходить из номеров постояльцев, а у этого «дона», видите ли, свой распорядок... Впрочем, мнение портье по этому поводу меня несколько не интересовало, да он его и не высказывал.

Мимо дежурной на втором этаже я попыталась вообще пройти с гордо поднятой головой, но она вонзила мне в спину уточняющий вопрос: «Вы к господину Мартинесу?» Прозвучало это так, будто я была предателем Родины, идущим на встречу с резидентом иностранной разведки. Уж эта-то точно сменилась, даже женолюбивому дону Марти вряд ли пришло бы в голову назвать старую каргу «милой женщиной»...

Меня так и подмывало ответить ей как следует, но из соображений конспирации я воздержалась. Жаль было и «дядюшкиной» репутации: кто знает, какие удары ей предстоит еще выдержать в этом «почти родном» волжском городе...

Высокая массивная дверь с номером «23» распахнулась на мой тихий стук почти сразу же. «Дядя» был в белоснежном свитере и встретил меня с улыбкой. Пока Михаил Викторович освобождал меня от пальто, упивался моей ручкой и сверкал своими испанскими глазами (в которых, кстати, не прошел хмельной блеск, хотя коньяка с утра он не пил), я убедилась, что и мое увлечение не прошло за несколько часов разлуки. Не знаю, как это вышло, но я коснулась губами его щеки, которая оказалась совсем рядом. От удивления Мигель забыл выпустить мою руку из своих. Его уши порозовели, но в целом он выдержал испытание достойно.

– Ой, извините, «дядюшка»! Я по-родственному...

– Ну что вы, «племянница»! – в том же шутливом тоне ответил он. – Это лишний раз доказывает, что сегодня ночью вы мне не соврали.

– В каком смысле?

– В том смысле, что я еще не совсем старик.

– Ах, Мигель, пожалуйста, не начинайте все сначала! У нас мало времени, а у меня много работы. Ведь вы скоро уйдете на репетицию, и мне надо уложиться.

– Но вы могли бы задержаться, если надо, я предупрежу администрацию...

– Ну уж нет. Не забывайте, что я только ваша племянница, а племяннице вовсе ни к чему поселиться в номере дяди насовсем.

– Так вы что, даже и кофе не выпьете со мной?

– На кофе я к вам приду в четыре, вы разве забыли? Или вы отменяете свое приглашение, поскольку исчез Хосе? – строго говоря, это было с моей стороны уж чистым нахальством: на приглашение я напросилась сама, и только под предлогом «расколоть» Хосе. – И отдайте, пожалуйста, мою руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.